

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 14 мая 2012 г. N 11-П ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ АБЗАЦА ВТОРОГО ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 446 ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН Ф.Х. ГУМЕРОВОЙ И Ю.А. ШИКУНОВА

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н.С. БОНДАРЯ

В рамках заявленного в соответствии с [частью первой статьи 76](#) Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" особого мнения представляется важным обратить внимание на следующие его мотивы и аргументы.

1. Особенность и, в известном смысле, неординарность рассмотренного Конституционным Судом Российской Федерации дела заключается в том, что вопросы, связанные с его предметом (положения [части первой статьи 446](#) ГПК Российской Федерации), ранее неоднократно затрагивались - напрямую или косвенно - в рамках конституционного судопроизводства (например, определения от 4 декабря 2003 года [N 456-О](#), от 20 октября 2005 года [N 382-О](#), от 24 ноября 2005 года [N 492-О](#), от 19 апреля 2007 года [N 241-О-О](#), от 20 ноября 2008 года [N 956-О-О](#), от 1 декабря 2009 года [N 1490-О-О](#), от 22 марта 2011 года [N 313-О-О](#)). Это потребовало прежде всего решения Конституционным Судом вопроса о допустимости жалоб заявителей.

Сам факт принятия к производству жалоб граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова свидетельствует о том, что Конституционный Суд не выявил предусмотренных [статьей 43](#) Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" оснований для отказа в принятии данных обращений к рассмотрению. Очевидно, что в этом случае Суд исходил из того, что решение поставленной в обращениях заявителей проблемы с помощью определения Конституционного Суда - "отказного" либо с так называемым "позитивным" содержанием - невозможно и необходимо рассмотрение проблемы по существу с использованием всех необходимых для данной процедуры форм конституционно-судебного реагирования. Принятие жалоб к рассмотрению в данном случае означало, в конечном счете, что Конституционный Суд усмотрел наличие неопределенности с точки зрения соответствия оспариваемых законоположений [Конституции](#) Российской Федерации ([часть вторая статьи 36](#) Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации"). Таким образом, уже этот факт является свидетельством признания Судом невозможности устранения имеющейся неопределенности на основе прежних его правовых позиций.

Вместе с тем при разрешении данного дела Конституционный Суд избрал, в конечном счете, подход, основанный на подтверждении ранее высказанных позиций и признании положения [абзаца второго части первой статьи 446](#) ГПК РФ не противоречащим [Конституции](#) Российской Федерации; был сделан вывод, что "оно направлено на защиту конституционного права на жилище не только самого гражданина-должника, но и членов его семьи, в том числе находящихся на его иждивении несовершеннолетних, престарелых, инвалидов, а также на обеспечение указанным лицам нормальных условий существования и гарантий их социально-экономических прав и в конечном счете на реализацию обязанности государства охранять достоинство личности" ([абзац четвертый пункта 3.3](#) мотивировочной части, [пункт 1](#) резолютивной части).

В то же время Суд определенно указал на имеющиеся дефекты в правовом регулировании соответствующих отношений конституционно-правового характера, но, руководствуясь принципом разумной сдержанности, воздержался от признания оспариваемого законоположения противоречащим [Конституции](#) Российской Федерации и одновременно обратился к федеральному законодателю с требованием внести в него необходимые изменения и дополнения в целях устранения выявленных недостатков. В частности, как это установлено Конституционным Судом, положение [абзаца второго части первой статьи 446](#) ГПК РФ не содержит ориентиров для определения минимума, необходимого и достаточного для удовлетворения разумной потребности человека в жилище ([абзацы второй и третий пункта 4](#) мотивировочной части); следовательно, отсутствуют "возможности дифференцированного подхода при применении имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении жилого помещения, принадлежащего на праве собственности гражданину-должнику и являющегося для него и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания" ([абзац первый пункта 4.1](#) мотивировочной части). Соответственно, это "не позволяет обратиться взыскание по исполнительным документам на такие жилые помещения,

размеры которых могут значительно превышать средние показатели, а стоимость может быть достаточной для удовлетворения имущественных притязаний взыскателя без ущерба для существа конституционного права на жилище гражданина-должника и членов его семьи" ([там же](#)).

Но если действующее правовое регулирование имеет столь существенные дефекты, "что может приводить к несоразмерному и не подкрепленному никакой конституционно значимой целью ограничению прав кредиторов в их имущественных отношениях с гражданами-должниками" ([абзац третий пункта 4](#) мотивировочной части), то представляется вполне правомерным вопрос: можно ли считать оспариваемое законоположение соответствующим [Конституции](#) Российской Федерации?

Принимая решение воздержаться от признания нормы [абзаца второго части первой статьи 446](#) ГПК Российской Федерации неконституционной, Конституционный Суд мотивировал свою позицию тем, что иное - в условиях отсутствия специального законодательного регулирования того, какой размер жилого помещения на данном этапе развития общества может считаться удовлетворяющим требованию обеспечения разумной потребности человека в жилище - повлекло бы риск неоднозначного и, следовательно, произвольного выбора соответствующих критериев правоприменителем, причем в отношениях, характеризующихся высокой степенью социальной уязвимости людей, и притом что существующие в жилищной сфере нормативы имеют иное целевое назначение и использованы быть не могут ([абзац первый пункта 4.2](#) мотивировочной части).

Однако, во-первых, у Конституционного Суда имеются и иные, в том числе специальные, способы конституционно-правового реагирования на такие ситуации, прежде всего установление особенностей исполнения принятого решения ([пункт 12 части первой статьи 75](#) ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации"). Во-вторых, при наличии сходных условий, например в [Постановлении](#) от 12 июля 2007 года N 10-П по делу о проверке конституционности положения [абзаца третьего части первой статьи 446](#) ГПК РФ в связи с жалобами граждан В.В. Безменова и Н.В. Калабуна, Конституционный Суд, признав оспариваемое законоположение неконституционным, указал, что впредь до установления федеральным законодателем нового регулирования судам и другим правоприменительным органам надлежит "непосредственно применять [Конституцию](#) Российской Федерации, а также руководствоваться настоящим Постановлением, с тем чтобы не допустить несоразмерных ограничений имущественных прав граждан-должников и кредиторов, включая заявителей по настоящему делу, как субъектов гражданского оборота земельных участков" ([абзац второй пункта 1](#) резолютивной части).

В этом плане само по себе использование Конституционным Судом в конкретном деле метода воздержания от признания оспариваемых законоположений неконституционными не представляется бесспорным. Впервые - и, пожалуй, вполне оправданно - этот метод конституционно-судебного контроля был применен в [Постановлении](#) Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 года N 2-П по делу о проверке конституционности положений [статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389](#) ГПК Российской Федерации. Установив наличие системных нарушений требований принципа правовой определенности при урегулировании института судебного надзора, Конституционный Суд не стал признавать нормы [ГПК](#) Российской Федерации противоречащими [Конституции](#) Российской Федерации, объяснив свою позицию тем, что иное решение - без одновременного создания системы своевременного предупреждения и исправления судебных ошибок - привело бы к процессуально-правовому вакууму, дезорганизации не только деятельности судов надзорной инстанции, но и в целом гражданского судопроизводства. Но уже в силу уникальности данного дела вряд ли есть основания полагать, что примененная при его разрешении методология конституционно-судебного контроля может рассматриваться как ординарная. Представляется, что ее использование возможно и необходимо лишь в исключительных случаях, при наличии, как правило, системных дефектов в правовом регулировании, которые объективно исключают (затрудняют) возможность их конституционно-судебного исправления путем признания проверяемых норм неконституционными.

В рамках же анализируемого Постановления при таком подходе, связанном с воздержанием от признания неконституционности, кроме всего прочего, остается неясным, какое правовое значение имеют сделанные Конституционным Судом в рамках конкретного нормоконтроля итоговые выводы, в том числе констатирующие наличие дефектов проверяемых положений конституционно-правового характера, непосредственно для заявителей и прежде всего для гражданки Ф.Х. Гумеровой, которая пыталась добиться через суд исполнения обязательства гражданином-должником, которому принадлежит жилое помещение общей площадью более 300 кв. м. Отсутствие в [резолютивной части](#) Постановления специального пункта о возможности пересмотра дела Ф.Х. Гумеровой (если бы для этого не было иных препятствий) свидетельствует о том, что возможное нарушение баланса интересов должника и кредитора

(взыскателя) по-прежнему, в том числе после принятия настоящего Постановления, не может быть преодолено судебными и иными правоприменительными органами.

А между тем поиск путей и способов восстановления нарушенного баланса интересов должника - собственника единственного для него и членов его семьи жилого помещения и кредитора (взыскателя) как участников исполнительного производства - конституционно-правовая quintэссенция настоящего Постановления. Но этот ключевой вопрос - о защите прав кредиторов (взыскателей), претендующих на получение суммы долга за счет принадлежащих гражданам-должникам жилых помещений, которые по своим характеристикам значительно превышают минимально необходимые для удовлетворения потребностей в жилище размеры, - откладывается на неопределенный срок, вплоть до внесения соответствующих изменений в гражданское процессуальное законодательство.

2. Отдавая должное тому обстоятельству, что Постановление достаточно последовательно отражает линию на поиск компромисса в разрешении данной проблемы между различными, не совпадающими подходами, нельзя не признать, что судебные решения, основанные на примирении несовпадающих позиций, не всегда достигают поставленных целей; порой неизбежными оказываются элементы внутренней противоречивости в аргументации, связанной, например, с признанием конституционности проверяемого положения, с одной стороны, и обоснованием его конституционно-правовой дефектности, с другой.

Главным в методологическом плане вопросом, стоявшим перед Конституционным Судом в настоящем деле, был вопрос об определении конституционных оснований и пределов вторжения в права должника в рамках исполнительного производства. Не случайно, что именно его решению в Постановлении уделяется основное внимание. При этом Конституционный Суд исходит из того, что, поскольку права и законные интересы участников гражданского оборота должны получать соразмерную (пропорциональную) защиту на основе баланса конституционных ценностей, постольку применительно к нормативно-правовому регулированию разрешения судом коллизий интересов кредиторов и должников это означает, что пределы возможного взыскания по исполнительным документам, имея целью предотвращение негативных последствий неисполнения гражданско-правового обязательства, должны отвечать интересам защиты конституционных прав гражданина-кредитора, однако они не могут затрагивать основное содержание конституционных прав гражданина-должника ([абзац пятый пункта 2.2](#) мотивировочной части).

Тем самым получается, что сохранение основного содержания конституционных прав гражданина-должника является абсолютным пределом и, своего рода, критерием осуществления прав кредитора (взыскателя). Соответственно, фактически предполагается наличие между участниками исполнительного производства связей, аналогичных тем, что существуют между государством и индивидом при решении вопроса об ограничительном регулировании прав последнего, и фактическое распространение на эти отношения требований [статьи 55 \(часть 3\)](#) Конституции Российской Федерации, допускающей только соразмерное ограничение законом прав и свобод человека и гражданина и только до той степени, при которой не будет утрачено их ядро, то самое основное содержание.

Между тем указанная конституционная норма ([часть 3 статьи 55](#)) по своему смыслу и назначению в системе конституционного регулирования не может быть автоматически распространена на отношения, возникающие между равноправными участниками гражданского оборота, и не может служить основанием для неисполнения ими в полном объеме тех обязательств, которые они на себя приняли в добровольно-договорном (диспозитивном) порядке. Обязанность субъектов гражданско-правовых отношений добросовестно выполнять свои договорные обязанности основывается на общеправовом принципе *acta sunt servanda*, а также на гарантировании неприкосновенности собственности, свободы экономической деятельности и свободы договора, судебной защиты нарушенных прав ([статья 8, часть 1; статья 17, часть 3; статьи 34, 35 и 46](#) Конституции Российской Федерации), она предполагает в целях восстановления нарушенных прав кредиторов возможность взыскания по долгам за счет имущества должников ([абзац четвертый пункта 2.1](#) мотивировочной части). Следовательно, соответствующая обязанность имеет, по существу, конституционно обусловленный характер, а ее законодательное урегулирование представляет собой не ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в смысле [статьи 55 \(часть 3\)](#) Конституции Российской Федерации, а законодательное оформление объективных пределов конституционно-должного поведения.

Иной подход не столько ведет к обоснованию изъятий в перечне имущества должника, на которое может быть обращено взыскание по исполнительным документам, сколько ставит под сомнение саму возможность исполнения обязанности и осуществления взыскания, поскольку оно предполагает лишение должника его имущества, т.е. не ограничение, а прекращение его имущественных прав, включая, между прочим, и жилое помещение - если это связано с ипотечными отношениями. Гражданин, вступая осознанно

и добровольно в гражданско-правовые отношения, приобретает не только определенные права, но и обязанности перед контрагентами, их объем и содержание имеют договорный характер. Следовательно, государство в рамках урегулирования отношений в области исполнительного производства вправе и обязано установить лишь тот минимальный объем исключений из прав кредитора (взыскателя), реализация которых могла бы привести к умалению человеческого достоинства должника, поскольку поддержание этого принципа является основополагающим и для самого гражданского оборота.

В этом плане рассмотренная Конституционным Судом проблема имеет не столько социальное, сколько юридическое, нормативно-правовое содержание. Поэтому при поиске начал соразмерности и пропорциональности в защите права собственности и иных имущественных прав кредитора, с одной стороны, и права на жилище гражданина-должника, с другой, вряд ли есть основание выводить конституционные начала защиты прав должника в том числе из принципа социальной государственности (статья 7 Конституции Российской Федерации). Соответствующие отношения в рамках исполнительного производства сводятся не к тому, чтобы объявить "войну дворцам" и "богатого должника сделать бедным", а чтобы обеспечить безусловное исполнение долгового обязательства при гарантировании должнику и проживающей с ним семье минимально необходимых условий проживания, в том числе жилищных. Кстати, и Федеральный закон "Об исполнительном производстве" относит к принципам исполнительного производства неприкосновенность минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи. Реализованный же в Постановлении концептуальный подход может быть воспринят, в том числе законодателем, как ориентирующий на преимущественную защиту в рамках исполнительного производства прав и законных интересов гражданина-должника перед кредитором (взыскателем). Это вызывает сомнение как с точки зрения новых социально-экономических условий развития рынка жилья, так и юридической природы данного типа правоотношений как формы обеспечения принудительной реализации обязательств, вытекающих из гражданско-правового договора, включая природу института имущественного (исполнительского) иммунитета.

3. Известно, что конфликт конституционных ценностей, затрагивающих право частной собственности и его судебную защиту, с одной стороны, и право на жилище, отвечающее нормальным условиям существования, с другой, во многом решается именно путем установления имущественного (исполнительского) иммунитета на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение (его часть). Нет ничего удивительного в том, что названный институт имеет в этой его части богатое и разнообразное регулирование в правовых системах зарубежных государств, каждая из которых стремится к тому, чтобы обеспечить адекватный конкретно-историческим условиям ее развития справедливый баланс между соответствующими ценностями.

Анализ зарубежного опыта дает возможность выделить, по крайней мере, четыре модели правового регулирования в данной области, начиная с: а) отсутствия законодательного регулирования обращения взыскания на единственное жилое помещение должника (например, Армения, Испания, Италия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Люксембург, Молдова, Соединенное Королевство, Таджикистан, Украина, Франция, Швейцария, Эстония); продолжая б) установлением запретов обращения взыскания на единственное жилое помещение должника (Белоруссия, Бразилия, Туркменистан, Узбекистан, Швеция), которые, тем не менее, имеют определенные, а порой и существенные, исключения; и в) установлением возможности обращения взыскания на единственное жилое помещение должника с предоставлением взамен иного жилого помещения или сохранением за должником права пользования жилым помещением (Австрия, Бельгия, Германия, Лихтенштейн, Португалия, Словакия); а также г) обращением взыскания на часть единственного жилого помещения должника - при условии, что она может быть выделена в натуре (Болгария, Португалия, Узбекистан) или в стоимостном выражении. <*>

См.: Обращение взыскания по исполнительным документам на единственное жилое помещение в современном международном и зарубежном праве и судебной практике конституционного контроля // Зарубежная практика конституционного контроля. Конституционный Суд Российской Федерации. 2012. Вып. 189. С. 7 - 9.

Уже этот беглый обзор демонстрирует, что имущественный (исполнительский) иммунитет в части его распространения на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение не является абсолютным; критериями отнесения жилого помещения к сфере действия названного запрета служат его объективные характеристики, связанные с удовлетворением минимальных потребностей человека в жилище, а не формальные условия, связанные с отсутствием у гражданина-должника и членов

его семьи других жилых помещений; баланс интересов кредиторов (взыскателей) и граждан-должников может обеспечиваться не только путем физического раздела жилого помещения, но и иными способами, связанными со своего рода расщеплением прав собственности на соответствующий объект недвижимости, когда за гражданином-должником сохраняется право пользования жилым помещением, а распорядительные правомочия переходят к кредитору (взыскателю).

С точки зрения этих выработанных и апробированных в мировой практике подходов действующее российское законодательство в части регулирования отношений по обращению взыскания на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение может рассматриваться как весьма несовершенное; оно не отвечает современным представлениям об институте имущественного (исполнительского) иммунитета, не содержит инструментария "взвешивания" конкурирующих конституционных ценностей и не обеспечивает их приведение к должному балансу.

Обжалуемое положение абзаца второй части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации не предполагает учета судами при рассмотрении конкретных дел каких-либо иных, кроме прямо указанных в законе, характеристик принадлежащего гражданину-должнику жилого помещения, включая его размер, качественные показатели и стоимость, в том числе соотношение последней с размером указанной в исполнительном документе задолженности. Тем самым оспариваемые законоположения исходят, по существу, из того, что при любых обстоятельствах (не связанных с ипотекой) невозможно ухудшение жилищных условий гражданина-должника в сравнении с достигнутым уровнем по тому лишь признаку, что жилое помещение является для него единственным пригодным для постоянного проживания. Такой подход в современной ситуации развития рыночной экономики и значительного расслоения населения по жилищным условиям не является оправданным ни с юридической, ни с социальной точек зрения.

Сегодня проблема неформального, дифференцированного применения имущественного (исполнительского) иммунитета приобретает особое значение с точки зрения требований социальной справедливости, с одной стороны, и исполнения судебных решений по искам к должникам в рамках имущественных отношений гражданско-правового характера - с другой. Если на начальном этапе перехода к рынку наличие в законодательстве подобного рода запретов можно было объяснить необходимостью повышенной защиты граждан как экономически более слабой стороны рыночных отношений, имея в виду, что они не успели адаптироваться к новым условиям хозяйствования и новым принципам правового регулирования гражданского оборота, то сегодня, с изменением социально-экономических отношений (рост уровня благосостояния граждан, изменение структуры жилищного фонда, усложнение гражданского оборота, повышение правовой грамотности населения), оно не может более оставаться терпимым. В конечном счете, это ведет к приоритетному учету интересов гражданина-должника и одновременно - к ущемлению интересов кредиторов (взыскателей), не только противоречит требованиям социальной справедливости, но и нарушает принцип равенства перед законом, включая равенство юридической ответственности (в данном случае - гражданско-правовой), что, в конечном счете, ведет и к усилению социального неравенства.

Действующее правовое регулирование не исключает также возможности злоупотреблений со стороны недобросовестных должников, которые могут воспользоваться имущественным (исполнительским) иммунитетом в целях неисполнения, ненадлежащего исполнения своих гражданско-правовых обязательств перед кредиторами, в частности вложить денежные средства, в том числе неосновательно накопленные, в дорогостоящее жилое помещение, на которое, как на единственное для них жилье, нельзя обратить взыскание - несмотря на его размер, качество и стоимость.

4. Использованный законодателем при установлении имущественного (исполнительского) иммунитета в соответствующей его части формальный критерий, выраженный в признаке "единственности" жилого помещения, пригодного для постоянного проживания, у гражданина-должника, лишает судебные органы, рассматривающие соответствующую категорию дел, их дискреционных полномочий, необходимых для достижения целей правосудия и установления справедливости по конкретному делу. При решении вопросов, касающихся обращения взыскания на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение, суды, по существу, вынуждены отказывать в удовлетворении заявленных требований кредитора (взыскателя) на основании установления лишь того факта, что у гражданина-должника и совместно проживающих членов его семьи нет других жилых помещений, пригодных для постоянного проживания. Соответственно, судебные органы не имеют возможности исследовать весь комплекс юридически значимых обстоятельств каждого конкретного дела, в том числе оценить количественные, качественные и иные стоимостные характеристики данного жилого помещения. Между тем право на судебную защиту, как неоднократно указывал Конституционный Суд, оказывается существенно ущемленным, если суды при рассмотрении дела не исследуют его фактические обстоятельства по

существо, ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы (постановления от 6 июня 1995 года [N 7-П](#), от 13 июня 1996 года [N 14-П](#), от 28 октября 1999 года [N 14-П](#), от 22 ноября 2000 года [N 14-П](#), от 14 июля 2003 года [N 12-П](#), от 12 июля 2007 года [N 10-П](#)).

Анализ судебной практики, включая решения, принятые в рамках конкретных дел граждан-заявителей Конституционным Судом, свидетельствует о том, что формальный подход к применению положений [абзацев первого и второго части первой статьи 446](#) ГПК Российской Федерации являлся до последнего времени преобладающим, тогда как иные, отличающиеся от него по своему характеру решения не получали поддержки со стороны вышестоящих инстанций (например, определение Кировского районного суда города Уфы определением от 26 октября 2010 года, которым было удовлетворено заявление гражданки Ф.Х. Гумеровой, впоследствии было отменено определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан).

Несовершенство действующего правового регулирования обращения взыскания на принадлежащее гражданину-должнику жилое помещение было признано, по существу, всеми участниками конституционного судопроизводства, включая представителей стороны, принявшей и подписавшей оспариваемый нормативный правовой акт. В процессе заседания указывалось на необходимость дополнительной правовой регламентации данных отношений, которая должна осуществляться на основе сбалансированного учета прав и законных интересов всех участников исполнительного производства, способствовать более эффективной защите интересов кредиторов и реальному приведению в исполнение вступивших в законную силу судебных решений, а также не должна стимулировать злоупотребление своими правами со стороны должников.

Таким образом, недостатки действующего правового регулирования обращения взыскания на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение (его части) являются вполне очевидными, а субъекты законодательной власти в принципиальном плане не оспаривают того, что нормы [абзацев первого и второго части первой статьи 446](#) ГПК Российской Федерации в их существующем виде могут приводить (и приводят) на практике к деформациям в балансе между интересами кредиторов (взыскателей) и граждан-должников в сторону последних.

5. Резюмируя изложенное, прихожу к следующим выводам.

Во-первых, положение [абзаца второго части первой статьи 446](#) ГПК Российской Федерации в системе действующего правового регулирования не позволяет достичь оптимального баланса интересов кредиторов (взыскателей) и должников, а отсутствие дифференцированных критериев применения имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения (его части), как и нормативно-правового механизма реализации обращения взыскания свидетельствует о наличии такого пробела в законодательстве, который влечет нарушение конституционных прав и свобод граждан.

Во-вторых, судебная практика применения названного законоположения в целом следует формальному подходу, при котором суды для применения имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении жилого помещения ограничиваются лишь установлением того, что оно является единственным пригодным для постоянного проживания гражданина-должника и совместно проживающих членов его семьи, а попытки подойти к решению этого вопроса неформально - в отсутствие четких нормативных правовых критериев - ведут к нарушению конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

В-третьих, имеет место длительное бездействие законодателя по решению проблемы, на которую впервые было указано еще в [Определении](#) Конституционного Суда от 4 декабря 2003 года [N 456-О](#). Что же касается содержащихся в настоящем Постановлении поручений законодателю о внесении в действующее законодательство изменений и дополнений, необходимых для устранения выявленных в нем Конституционным Судом недостатков, то отсутствие вывода о неконституционности проверяемого законоположения заметно снижает императивный потенциал такого предписания: не случайно Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации" ([часть четвертая статьи 79](#)) связывает данное полномочие Суда с ситуациями, когда "нормативный акт признан не соответствующим [Конституции](#) Российской Федерации полностью или частично либо из решения Конституционного Суда Российской Федерации вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании".

Полагаю, что приведенные, как и некоторые другие, аргументы могли бы лечь в основу признания положения [абзаца второго части первой статьи 446](#) ГПК Российской Федерации не соответствующим [Конституции](#) Российской Федерации.